

К. филос. н., доц. каф.
ин. яз. СКВИ ВВ МВД
Б.Н. Кусраев

Теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса

Б.Н. Кусраев

В современной философии стала очевидной несостоятельность как тех общественных теорий, которые базируются на рассмотрении атомизированных, изолированных друг от друга и следующих своим частным интересам индивидов, так и тех, в которых индивиды выступают безмолвными винтиками социального механизма, работающего в соответствии с железной логикой истории. Все более обнаруживают свою ограниченность попытки создать философию как теоретическую систему достоверных знаний о мире в рамках субъектно-объектного отношения. В условиях впечатляющих общественных сдвигов проявляются не только достижения, но и издержки цивилизационного процесса, бросающие вызов и современному обществу в целом, и философии в частности. Одной из ее главных задач стала своевременная диагностика цивилизационного потенциала разрушения и поиск путей его нейтрализации. Видимо, этим обусловлена выраженная практическая направленность современной философии, ее ориентация на животрепещущие политические, моральные, социально-экономические и идеологические проблемы, ее эмансипаторный потенциал.

В настоящее время продолжается поиск новых ориентиров общественного развития, причем философия является инициатором данного поиска. В отличие от теоретико-познавательных и социальных доктрин Нового времени, осмысливающих мир в рамках познавательного отношения субъект-объект, современная философия, как, впрочем, и современная гносеология, смещает свой фокус исследования в сферу интересубъективности, фундированную в языке, а объектом ее рефлексии становится коммуникация в языковом сообществе.

Выдающимся представителем современной немецкой философии, автором многочисленных работ, получивших мировое признание, является Юрген Хабермас. Впервые его имя привлекло к себе внимание европейской общественности в 60-е годы прошлого века, когда он проявил себя как один из видных представителей, условно говоря, «второго

поколения» Франкфуртской школы, развившейся под влиянием ее основателей М. Хоркхаймера, Т.В. Адорно, Г. Маркузе, Ф. Поллока, Э. Фромма и др.

В цельной форме социальная философия Ю. Хабермаса представлена в его главном труде – двухтомнике «Теория коммуникативного действия» [2], где выявлена связь социально-культурных проектов Ю. Хабермаса с социологическими традициями реконструкции социальной теории (Дж. Г. Мид, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Х. Гарфинкель, К. Маркс). Она рассматривается нами как теория рационального критицизма, дополненная моделями социальных действий, в частности «коммуникативного действия», в направлении гуманизации общественной жизни.

«Теория коммуникативного действия» – фундаментальный и многоаспектный труд, не просто вобравший в себя основные ранее разрабатываемые Ю. Хабермасом идеи, концепции и проекты, но выразивший их в наиболее законченном виде и в этом смысле оказавшийся итоговым. Его характерной чертой является также то, что в нем философ, отпавшая от авторитетов и заложенных ими традиций, доводит разработку своих проектов до такой стадии, когда их уже можно рассматривать в практическом плане – как ориентацию на определенные социальные действия, которые, по мнению автора, будут способствовать изменению существующей социальной практики и решению главной задачи, стоящей перед современным обществом – гуманизации нашей жизни, причем во всех областях. В этом мы видим принципиальную новизну проективных социально-культурных концепций Ю. Хабермаса и их отличие от разного рода утопических проектов.

Характеристику теории коммуникативного действия начнем с того, что Ю. Хабермас определяет общество как социально-культурную систему, которая развивается путем освоения внешней природы в процессе производства, а также создания внутренних структур посредством социализации с помощью инструментальных и социальных действий. С момента возникновения человеческого общества процесс труда, понимаемый как инструментальное действие, и

межличностные отношения (интеракция, процесс общения и др.) как коммуникативные действия тесно связаны. Это два решающих социокультурных фактора, которые определяют специфику человеческого общества и уровень его развития. Они универсальны и непреходящи. Однако если первому уделялось достаточно внимания как в философских, так и в экономических учениях, особенно со стороны принявших Марковские определения труда и производства, то второй практически не рассматривался в своем основном значении – как социальное действие – и не выделялся из категорий производительных сил и производственных отношений. Кроме того, следует иметь в виду, что интеракция основывается на языке и осуществляется благодаря ему, а язык требует интерпретации, системы истолкования, следовательно, и эти составляющие (второго фактора) должны быть рассмотрены и в новых структурных связях, и в плане социального действия.

Этот тезис и доказывает Ю. Хабермас в своей теории, ставя главной своей целью обоснование т.н. «коммуникативного разума», или «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного действия», направленных на решение противоречий существующей социальной реальности и на выработку новых культурных смыслов, которые могут послужить ориентирами как для развития общества, так и самого человека. Причем философ не только в заключение, но на всех этапах своего обоснования пытается показать, каким образом теория социальной эволюции связана с коммуникативной деятельностью, как коммуникативное действие расширяет свои рамки, приобретая универсальное значение, и становится средством преобразования социальной реальности (с учетом того, что речь идет о проективном отношении к действительности) [2].

Главный содержательный и методологический поворот современной социальной теории в какой-то степени уже определен и выразился в обращении к новым общественным факторам, действующим в социально-культурной сфере и с недавнего времени (примерно с 60–70-х гг. прошлого столетия) оказавшимся в центре внимания многих философов, социологов и лингвистов, считает Ю. Хабермас. Он обнаруживает их в области культуры, языка, коммуникации, образования, просвещения и рассматривает в качестве новой стратегии актуальных социокультурных преобразований. По его мнению, если общественное движение рассматривать как развитие просвещения и разума («ratio»), то совершенно очевидно, что нынешнее направление ведет ко все более растущему управлению и манипуляции общественным сознанием и социальными действиями людей. Поэтому традиционная философская проблематика должна быть поставлена и рассмотрена в новом ракурсе – как «коммуникативная рациональность», ставящая своей целью анализ су-

ществующих норм и ценностей, а также выработку новых, которые были бы признаваемы всеми людьми, ориентированы на гуманные цели и соответствующим образом направляли социальные действия.

Общество как система все более совершенствует свои средства управления и господства; отсюда возникает необходимость в проработке (вначале на уровне теории) контрмер, которые усматриваются Ю. Хабермасом в малоисследованной сфере потребностей и возможностей, связываются с выявлением интересов, мотиваций и механизма их воздействия на человека. Какими факторами руководствуется человек в своих поступках, как решает проблему выбора в той или иной ситуации, что является главным в его жизненном мире? Эта область традиционно исследуется психологией, но не является ее прерогативой. Поскольку речь идет о социальных действиях, о таких основах процесса социализации, как язык, коммуникация и др., она должна более активно анализироваться и социальной психологией, и социальной философией, и философией культуры, ставящими своей целью выявление новых возможностей человека.

Социальное действие должно носить коммуникативный характер: коммуницирующие субъекты совместно вырабатывают intersubjective смыслы (цели, ценностные ориентиры и др.), координируют свои действия в соответствии с достигнутыми соглашениями, способствуя развитию процессов социальной интеграции и солидаризации на новой основе. Этот процесс Ю. Хабермас обозначает через понятия «коммуникативной рациональности» и «коммуникативного действия», которые являются основными для его социокультурной концепции в целом и его проектов.

Разработка этого философско-методологического аспекта теории коммуникативного действия представляет наибольший интерес и отличается не только фундаментальным подходом, но и оригинальной постановкой вопросов, интересными ракурсами рассмотрения, в то время как содержание, конкретика самих предлагаемых социально-культурных проектов является опять же как бы выводами, следствием (к тому же довольно кратким) из достаточно подробно рассмотренных критических тезисов.

Хабермас начинает с анализа современной ситуации и отмечает, что наследие западного рационализма перестало быть неоспоримым: оно периодически переживает тяжелые кризисы, последний из которых разразился в конце 60-х гг. XX столетия. Отсюда возникает необходимость теоретически исследовать целый комплекс проблем, касающихся понимания рациональности, и в частности вопрос, в каком смысле модернизация общества может быть названа рациональной, если ее рассматривать под углом зрения культурной и социальной рационализации, – ведь сейчас мы все больше стали пони-

мать, что стабилизация в капиталистическом обществе была достигнута путем компромиссов, социально-культурные последствия которых оказались далеко не рациональными. Об этом много писали предшественники Хабермаса, поэтому он выделяет те положения и тенденции, которые дают основание говорить о некой «негативной» социальной закономерности. Прежде всего, разумеется, речь идет о типах рациональности М. Вебера и введенных им понятиях целерационального действия и инструментального разума.

Хабермас выделяет и комментирует важнейшие веберовские положения о кризисных тенденциях западной рациональности, проявившиеся, прежде всего, в области культуры. Отметим некоторые из них. Так, Вебер понимал культурную традицию в целом как арсенал знаний, на основе которого образуются различные по значимости системы знаний и специальные ценностные сферы, и выделял три главных компонента культуры: 1) науку и технику; 2) право и мораль; 3) искусство и критику; а также некогнитивные, ценностные (оценочные) и экспрессивные составные части культуры. Наука и техника, ставшие моделью рациональности с ее познавательным инструментальным характером, явились важнейшими факторами капиталистического развития, эффективным средством модернизации общественного труда и социальной сферы, в результате чего научный прогресс стал восприниматься как рационализация всей общественной жизни. Однако постепенно наука и техника приобрели «парадигматический характер», стали не только образцом, но и своего рода догмой понимания эволюции и прогресса, а методология науки – краеугольным камнем развития «жизненной методологии вообще». Проникновение такой методологии в другие области культуры привело к тому, что процесс рационализации в обществе и этическая ценностная ориентация оказались «разнонаправленными процессами».

Согласно Хабермасу, рациональной может быть личность с трезвым взглядом на мир, способная к саморефлексии, природные потребности которой контролируются разумом; иначе: рациональность может выступать как субъективный разум. Напротив – того, кто систематически обманывает себя, можно назвать иррациональной личностью. С рациональностью мы связываем способ удовлетворения не только материальных, но и идеальных потребностей, а это помимо чисто духовных, религиозных интересов, еще и разного рода телеологические действия, направленные на реализацию определенных целей. Особенностью телеологического действия является то, что оно осуществляет выбор между альтернативами и тем самым оказывается стратегическим практическим действием, реализующимся в самых разных областях. Поэтому помимо когнитивно-инструментальной рациональности мы можем

говорить также о морально-практической рациональности, рациональности права, эстетически-практической рациональности и др., которые и определяют рациональную направленность жизни в целом.

Обстоятельно анализируя опыт предшественников, Ю. Хабермас тем не менее определяет свою теорию не как метатеорию, а как оригинальную социальную концепцию, которая позволит найти возможность для рационализации самой рациональности, выявить, говоря словами автора, «потенциал для разума», и которая ориентирована на «понимание», на развитие теории познания другими средствами. Из обширной теории коммуникативного действия следует выделить два тематически перекрещивающихся комплекса, два больших направления:

1. Теория коммуникативного действия может быть рассмотрена как критическая социальная теория, несущая философско-социологическое знание о современном обществе в целом. В этом смысле она оказывается в русле многих «критических теорий общества» и соответствующих традиций, в том числе марксизма, несмотря на постоянную полемику с ним.

2. В теории коммуникативного действия может быть выделена программа социально-культурных преобразований как проективно-конструктивная социальная концепция, ориентированная на «коммуникативную рациональность» и «коммуникативное действие»; причем последнему придается значение одного из таких факторов общественного развития, по сути главных, которые могут вызвать определенным образом направленные качественные (радикальные) изменения в социальной сфере. При этом Ю. Хабермас уделяет большое внимание обоснованию новых целей и ценностей общественной человеческой деятельности, а также намечает пути реализации своей эмансипационной программы, возлагая надежды на действенность и эффективность новых видов коммуникативных связей.

Подобно Веберу, Хабермас обосновывает свою общественную теорию как теорию рациональности, полагая, что рациональность является основополагающим моментом современных обществ и двигателем процесса социальной эволюции, понимаемого как процесс общественной рационализации. Вместе с тем, критикуя постулаты критической теории Хоркхаймера и Адорно, воспринявшей веберовское понятие рациональности и рационализации, Хабермас показывает, что несостоятельность этой теории, ее антиномичность обусловлены парадигмой философии сознания, лежащей в ее основе, и ставит задачу смены парадигмы в социальной теории.

Хабермас исходит из необходимости смены парадигмы от философии сознания к коммуникативной теории, предлагая тем самым новую интерпретацию понятия intersubjectivity, в основных своих чертах совпадающей с той, которую дал К.-О. Апель в «Трансформации философии» [1].

Для этой интерпретации характерно то, что субъект в ней понимается не только как соотнесенный с объектом в фундаментальных модусах познания и действия, но и как договаривающийся в процессе общественного развития с другими субъектами по поводу познания и действия. Тем самым в новой парадигме открывается еще одно измерение разума, не сводящееся к измерению целерациональности. «Не только познание и использование объективной природы есть явление, подлежащее объяснению, но и intersубъективность возможного понимания... Тем самым фокус исследования смещается от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение обособленного субъекта к чему-то в объективном мире, что можно представить и чем можно манипулировать, а intersубъективная связь, которую устанавливают субъекты, обладающие языковой компетентностью и компетентностью действия, договариваясь о чем-то друг с другом».[2]

Понятие «intersубъективность возможного понимания» требует четкой аналитической экспликации. С его введением меняется угол взгляда на природу социально-философского анализа: предметом рассмотрения становится координация действий членов общества посредством коммуникации и, соответственно, «выполнение условий рациональности, присущей коммуникативному действию» [2]. Таким образом, в центре внимания философской науки, базирующейся на новых основаниях, должны находиться и те аспекты человеческого действия, которые анализируются через соотношение цели и средства, и те, которые рассматриваются с точки зрения коммуникативной рациональности. При этом главной задачей является выявление закономерностей взаимосвязи этих сфер действий.

Хабермас пытается выработать новую концепцию, пригодную для анализа всех основных институтов общества. Философ является одним из наиболее ярких представителей того лингвистического поворота, который обозначил новые горизонты современной немецкой философии, вовлек в сферу философского рассмотрения новые проблемные области и, что самое главное, снабдил социально-философскую теорию новым методологическим инструментом.

Хабермас выступил одним из главных проводников лингвистического поворота. Философ рассматривает общество как коммуникативное сообщество, применяя прагматический инструмент для анализа предпосылок и условий коммуникации

и дискурса. С точки зрения Ю. Хабермаса, окончательное обоснование невозможно, а дискурсивная коммуникативная этика, задача обоснования которой стоит перед философом, может быть обоснована путем обращения к ресурсам жизненного мира, которые не могут быть поставлены под сомнение его участниками.

Хабермас считает, что философский дискурс всегда ограничен исторически социокультурным жизненным миром определенной эпохи и что не существует неоспоримых предпосылок понимания, которые не были бы исторически обусловлены. По мнению Хабермаса, не бывает метадискурса в том смысле, что дискурс более высокого порядка устанавливает правила для какого-либо подчиненного дискурса. С его точки зрения, каждый дискурс является саморегулирующимся и не может быть замкнут. [3]. Точка зрения Хабермаса заключается в том, что универсальные масштабы дискурса могут быть эксплицированы только из контекста, из истории, что они универсальны для того или иного дискурса, но не для дискурса вообще, т.е. что они могут выступать только в форме слабой трансцендентальной предпосылки дискурса.

Хабермас, как и многие другие немецкие философы второй половины XX века, переосмыслил вопросы отношения индивида и общества к государству, сместив акцент на принципы политического участия индивидов в процессе выработки решений, на формы такого участия. Главным достижением формальной прагматики, как представляется, является выработка нормативной базы нового соотношения индивида, государства и общества. В роли такой базы, как было показано, выступает дискурсивная коммуникативная этика – этика ответственности, призванная регулировать межгрупповые, межклассовые, региональные и национальные отношения внутри государства, с одной стороны, и систему современных международных отношений – с другой. Идеальная ситуация общения у Хабермаса выступает в качестве регулятивной, а не конститутивной идеи, речь идет не о ее немедленной насильственной реализации, а о постепенном и отнюдь не заранее предначертанном процессе. У Хабермаса остался открытым вопрос о системных условиях, механизмах и последствиях, а следовательно, и вопрос о возможностях такой реализации в ходе реального исторического процесса, а потому во многом обоснованы упреки в его адрес в умозрительности и утопизме.

Литература

1. *Apel K.O. Transformation der Philosophie. Bd.I. Frankfurt a. Mein, 1973.*

2. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, B.I-II. Frankfurt, 1981.*

3. *Habermas J., Entgegnung // A. Honneth, H. Joas (Hg) Kommunikatives Handeln. Beitrage zu J. Habermas' Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1981.*